

Александр Яковлев

Большевизм — социальная болезнь XX века

«ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА» — историко-публицистическое исследование преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России.

Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Переведена на 31 язык. На русском языке вышла в издательстве «Три века истории». Вступительную статью к «ЧЕРНОЙ КНИГЕ КОММУНИЗМА» на русском языке написал политический и общественный деятель, публицист, социальный мыслитель, академик РАН Александр Николаевич Яковлев.

... Он прошел путь, исполненный глубокого драматизма, — от искреннего, последовательного коммуниста до искреннего последовательного демократа, антикоммуниста. Он описал в своих честных исповедальных книгах все противоречия, все сложности, все муки этого пути. Пожалуй, никто из наших современников не вложил столько сил, столько ума, не потратил столько времени для того, чтобы завоевания свободы, демократии в нашей стране, при всей их неполноте и фрагментарности, стали, тем не менее прочными, необратимыми.

Александр ГЕЛЬМАН

Фото: kuzovnet.ru

Книга, предлагаемая вниманию читателя, уже издана во многих европейских странах. Она серьезна, масштабна, туго набита фактами, многие из них уникальны своей новизной, подчас невероятностью. Это, своего рода, исследование о раковой опухоли большевизма, которая беспощадно уничтожала поколение за поколением во всем мире и, прежде всего, в России. Книгу создали зарубежные историки. Жаль, что не российские. Но замечательно, что исследование выходит в русском издании.

Что же это за явление — большевизм, основанный В. Ульяновым в 1903 году?

Задумаемся, уважаемый читатель, над таким простым фактом. В XX веке пять раз менялось название страны на политической карте мира — Российская империя (до 1917 г.), Российская республика (1917 г.), РСФСР (1918-1922 гг.), СССР (1922-1991 гг.), Российская Федерация, Россия (с 1993 г.). Четыре раза меняли мы гимн: «Боже, царя храни...» (до 1917 г.), «Марсельеза» (1917 г.), «Интернационал» (1918-1944 гг.), «Союз нерушимый...» (1944-1991 гг.), нынешний гимн — «песня без слов» (с 1993 г.). (прим. — в 2001 году утвержден новый вариант старого гимна (музыка Александрова, слова Михалкова).

Резали, кромсали административно-территориальное деление страны, переименовывали города, некоторые по несколько раз, дошли до абсурдистки типа: Ленинградская область с центром Санкт-Петербург, Свердловская область с центром Екатеринбург и т. д.

О чем это говорит? Ставлю уточнение... Ленин в начале века патетически вос-

кликнул: «Дайте нам партию революционеров, и мы перевернем Россию!»

Перевернули. Поставили с ног на голову. Что получили? Ничего, зато потеряли целое столетие. На то же столетие отстали от цивилизованных стран. Убиты десятки миллионов людей. Страна — нищая, отсталая, нация биологически вырождается. И перспективы выздоровления страны и нации отнюдь не радужны. Почему? Потому, что наше общество пусть еще не смертельно, но все еще запредельно отравлено ложью. Мы все еще продолжаем жить в каком-то кошмарном сне. Боремся за свободу, а живем по-советски.

Самое ужасное, что существует на белом свете, — это извращение прекрасного. Большевистский режим родился из революционной решительности, на словах вдохновляемой гуманистическими идеалами. Ленинцы были убеждены, что только насилие является универсальным и единственным средством осуществления этих идеалов.

Большевизм и фашизм — две стороны одной и той же медали. Медали вселенского зла. Целью большевистского террора было создание якобы идеального бесклассового общества, идеологически чистого, как дистиллированная вода. Гитлеровский террор был более предсказуемым: очистить для начала Европу, а затем и весь мир от неполноценных народов, прежде всего, славян и евреев. Славяне и евреи, затем желтые и черные — это ясно и понятно: на планете Земля должны жить только «белокурые бестии».

В политическом завещании Ленина,

которое затем стало 58-й статьей Уголовного кодекса СССР 1926 года, первый пункт определял любое действие или бездействие, служащее ослаблению власти, преступлением. Вместо презумпции невиновности — презумпция виновности. Ибо «кто не с нами, тот против нас». Люди с первого дня гражданской войны, связанной Лениным, стали жить в условиях тиранической, уголовной анархии.

Кажется, несовместимы эти понятия — чудовищная деспотия и анархия. Увы, это было так. Любой негодяй-чекист мог единолично приговорить к смерти любого классово неполноценного, по его определению, человека. Сталин «демократизировал» этот процесс, упорядочил уголовную анархию, доведя число негодяев до «троек». Именно благодаря анархии преступная власть стала как бы невидимой и всегда праведной: власть хорошая, люди плохие.

В итоге высшим средством созидания стала борьба всех со всеми и за все. Вспомним эту абсурдистику. В СССР боролись с буржуазной идеологией и традицией, боролись за повышение производительности труда и партийности искусства, за «нового человека» и с пережитками прошлого... Вели нескончаемые «битвы за урожай», за сверхплановый выруб леса и распашку целины, за 100%-ную коллективизацию и за «мир во всем мире».

Гитлеризм кристально ясен как бандит-насилник. Фашисты демонстративно сжигали книги на площадях, коммунисты сожгли их в сотни раз больше, но тайно, по списочкам, с обязательной точностью. Кстати, сжигание книг, прежде всего, Библии, Корана, произведений Достоевского, сотен других авторов, началось по инициативе Крупской, жены Ленина.

Как известно, все режимы, в том числе и демократические, во время войны прибегают к «информационной автаркии», ограничивают распространение информации, свободу передвижения людей и идей. Большевизм это сделал политической константой мирного времени. Радио глушили, свирепость цензуры доходила до абсурда, выезд за границу был закрыт, жены неверных мужей бегали в парткомы, где их, неверных мужей, «воспитывали». Неслучайно же Ленин запретил все буржуазные газеты, издавались только коммунистические. Партия решала, какие книги читать, какие песни петь, о чем говорить, как говорить и зачем говорить.

Контроль над информацией и закрытие границ, ГУЛАГ и беззаконие, прочие из-

девательства над живой жизнью служили тому, чтобы псевдореальность воспринималась людьми как подлинная реальность. Перевоспитание наше было доведено до такой степени, что люди перестали «быть», а начали «казаться», играть верноподданническую роль везде и во всем. В миру нельзя было показать, что ты не веришь своим глазам и ушам, что белое — это черное, с языка рефлекторно срывалась одна ложь. Житие во лжи стало обязательно-принудительным, и потому набатно-солженицынское «Жить не по лжи» стало национальной идеей по демонтажу тоталитаризма: хирение и вырождение последнего стало явью во времена гласности, столь памятной многим и столь дорогой лично мне.

Советский Союз после гитлеровского разбоя — все эти ужасы, даже вместе взятые, не идут ни в какое сравнение с тем, что представляла из себя наша Родина после семи неполных лет ленинской тирании. Россия и ее народ были ограблены до нитки. Золото, бриллианты, валюта были прикарманены высшей партийной кастой для «мировой революции», но прежде, для самих себя.

Физически было уничтожено дворянство. Уничтожено купечество, предприниматели, интеллигенция, цвет армии — офицерство. Перебиты миллион крестьян, стерт в порошок рабочий класс, от имени которого якобы и вела свои бандитские дела ленинская шайка.

Экономика развалилась. Погиб лучший в мире речной флот, гордость российского купечества. Замерли, заросли бурьяном лучшие в мире железные дороги. Порушена, превращена в прах лучшая в мире банковская система. Разграблены и уничтожены тысячи лучших в мире аграрных хозяйств, в которых производительность труда и урожайность были выше, чем в Западной Европе и Америке. Замерла лучшая в мире система народного образования, созданная Александром II и усовершенствованная Столыпиным.

Среди большевиков Сталин был хитрее всех, коварнее всех, рассчитывая свои действия на годы вперед, знал тюремную и ссыльную жизнь, обладал невероятной, фантастической памятью, натренировался фотографически читать тексты, терпеть не мог ни оппонентов, ни конкурентов, в чем схож с Лениным, виртуозно матерился, в быту был скромен, осмотрителен, патологически ненавидел революционеров всех мастей, в том числе и своего учителя Ленина, а особенно его жену Крупскую. Но, как законченный циник и прагматик, лучше других понимал, что в единоличные вожди можно въехать только на спине Ленина, поэтому объявил себя лучшим его учеником, продолжателем дела, вбил в мозги партийцев, что «Сталин — это Ленин сегодня».

(продолжение следует...)